

Глава 18

Чжан Дашань вернул голубя в клетку и набросил сверху плотную черную ткань. Подняв голову, он увидел, как от ворот усадьбы Ивового Дерева возвращается Чу Шаоян — тот прождал аудиенции слишком долго и в итоге ушел несолоно хлебавши. Дашань втайне усмехнулся, но на лице сохранил притворную озабоченность, справляясь о том, что стряслось.

— Не пустили, — холодно бросил Чу Шаоян.

Чжан Дашань рассеянно погладил ткань на клетке.

— Вечером я попробую разведать обстановку сам.

Шаоян лишь отмахнулся:

— Не стоит. У меня свои планы.

Он уже собрался уходить, но собеседник крепко схватил его за локоть. Дашань пребывал в прескверном расположении духа — он не нашел того, что искал, и теперь весь мир казался ему враждебным.

— Помощник командующего Ху договорился о сотрудничестве с главой Чу: было сказано, что каждый получит свое. Сейчас господин Чу уже стал главой управления, а Фу Сиянь всё еще жив-здоров. Неужто господин глава и его племянник-сотник решили сжечь мосты, едва перейдя реку?

Чу Шаоян слегка нахмурился, но, обернувшись, уже лучезарно улыбался:

— С чего такие мысли, брат Чжан? Перед отъездом дядя строго-настрого велел нам держаться сообща. Просто я еще не был уверен в успехе и не хотел обнадеживать тебя раньше времени. Собирался рассказать, когда дело выгорит.

Видя, что тот пошел на попятную, Чжан Дашань смягчился:

— Сотник Чу, не томите. Раз уж это дело поручено нам двоим, мы должны действовать как одна рука.

Шаоян огляделся и, понизив голос, прошептал:

— Я отправил Тан Гуну письмо.

Тем временем Фу Сиянь и его спутники, покинувшие беседку «Чистая совесть», и понятия не имели, что Чу Шаоян не только околачивался у ворот усадьбы, но и успел всадить им «нож в спину». Не знали они и того, что получивший это послание Владыка усадьбы Тан уже примеряется, как бы нанести ответный удар.

Попрошавшись с капитаном Таном, они чувствовали, как в душе копятя тысячи слов, но, опасаясь лишних ушей, могли общаться лишь взглядами. Впрочем, после долгой игры в «гляделки» единственным важным открытием стало то, что Чжоу Гэнгэн плохо вымыл лицо — никакой другой полезной информации извлечь не удалось.

Фу Сиянь в очередной раз пожалел, что под рукой нет телефона, чтобы создать рабочий чат.

Так, в томительном молчании, они дошли до своего дворика, где застали Го Пина, который с крайне озабоченным видом мерил шагами пространство перед входом. Заметив их, он бросился навстречу:

— Наконец-то вы вернулись! У нас вор побывал!

«В таком охраняемом поместье? — подумал Сиянь. — Не иначе как кто-нибудь из своих».

В комнате и впрямь всё было вверх дном: вещи разбросаны, одежда и остатки еды валялись прямо на полу. Го Пин, боясь подозрений, суетился больше всех:

— Я только отошел лекарство приготовить, а когда вернулся — тут уже такое! Скорее посмотрите, не пропало ли чего ценного.

За это Сиянь не переживал. Начитавшись в свое время романов, он приучил себя хранить деньги и рецепты в непромокаемом кожаном мешочке прямо на теле. Жетон гвардейца и «Ветряной Колокольчик» — духовный артефакт, подаренный генералом Фу, — тоже всегда были при нем. Мало ли что: вдруг окажешься в чужих краях без гроша в кармане и придется вступать в банду нищих... Жизнь доказала, что подобная предусмотрительность лишней не бывает.

— Видел кого-нибудь подозрительного? — хмуро спросил Чжоу Чжунсинь.

Го Пин покачал головой:

— Никого. Я спрашивал слуг, говорят, никто во двор не заходил.

Чжоу Гэнгэн в ужасе вцепился в брата:

— Если не человек, то неужто... привидение?

— А голуби? — Сиянь нагнулся, чтобы поднять одежду. — Видел ли кто-нибудь, как прилетают или улетают птицы?

Го Пин на мгновение замер, и его лицо прояснилось:

— Точно! Кто-то из двора упоминал, что слышал хлопанье крыльев!

Ну вот, дело раскрыто.

Фу Сиянь и Чжунсинь облегченно выдохнули: слава богу, это были не люди из усадьбы.

Чжоу Гэнгэн тоже расслабился: значит, всё-таки не нечистая сила.

Сиянь махнул рукой, мол, пустяки, ничего не пропало.

Видя, что гости не в обиде, Го Пин тоже воспрял духом и указал на стол:

— Я лекарство сварил, оно еще горячее. Пейте, пока не остыло.

Фу Сиянь кивнул, но притрагиваться к чаше не спешил.

«Там, где кружат голуби, с едой надо быть настороже. Ладно еще яд, а ну как в отвар подкинули птичий сюрприз?»

Заметив, что Го Пин замер в дверях, явно желая что-то сказать, Гэнгэн нетерпеливо вскинул брови:

— Есть дело — говори прямо. Хватит ломаться, как девица на выданье!

— Среди «девиц» полно особ весьма решительных, так что не надо на них наговаривать, — вставил Сиянь, прибирая вещи.

Го Пин заискивающе улыбнулся:

— Я просто хотел спросить... Как вам моя служба в последнее время? Ну и насчет той купчей на дом...

— Твои вопросы о купчей — это куча хлопот, так что лучше забудь, — отрезал Гэнгэн.

Когда удрученный парень скрылся за дверью, Фу Сиянь произнес:

— Вообще-то он нам немало помог. Когда придет в следующий раз — верните ему бумаги.

«Пусть это будет компенсацией за его моральные страдания от твоих плоских шуток».

Братя Чжоу спорить не стали.

— Как думаете...

Они закрыли дверь, начиная свое маленькое секретное совещание.

— Это наверняка Чжан Дашань искал компромат, который он заставил бы вас подписать! — уверенно заявил Гэнгэн.

В их маленьком отряде формула «Чжан Дашань = голуби» уже стала аксиомой, не требующей доказательств.

— У молодого господина воистину дар предвидения! — продолжал Гэнгэн. — Пусть этот проходимец хоть слой земли в комнате снимет — ничего не найдет!

— Нам тут еще жить вообще-то, так что не стоит подавать им идеи насчет перекопки полов, — проворчал Сиянь.

Чжунсинь перевел разговор на сегодняшний обед у Тан Гуна. Услышав о поданных яствах, Гэнгэн обиженно пробормотал:

— А я в этой уборной трижды ноги отсидел!

Беседка стояла на острове, место было опасное, и Гэнгэн, опасаясь за безопасность Сияня, оставался на берегу в засаде, пока те не закончили трапезу.

— Владыка Тан обладает непостижимой силой, — задумчиво произнес Чжунсинь. — Наверняка он из великих мастеров.

Фу Сиянь подпер щеку рукой, отдаваясь полету фантазии:

— Тот стражник хотел сказать «Владыка Тан — это же сам Небесный...», но капитан его

прервал. Кем бы он мог быть? Может, первым мастером в Поднебесной?

Глаза Гэнгэна округлились:

— Неужто под его личиной скрывается Владыка Зеркала Неба и Земли или сам хозяин Дворца Бессмертных?

Сиянь лишь вздохнул.

«Кем бы тот ни был под своей маской, я-то уж точно болван».

— Может, стражник имел в виду «небесный дар»? — предположил Чжунсинь.

— О «даре» обычно говорят открыто. Разве что... дар этот какой-нибудь неприличный, — Фу Сиянь неловко почесал щеку.

При свете дня его мысли почему-то упорно сворачивали на территорию «ночных сеансов».

— Ладно, забудьте. Пора вздремнуть.

Честно говоря, со дня поступления в гвардию это был его первый по-настоящему ленивый день. Никакой бумажной волокиты, никакой беготни — разве что музыки для души не хватало. Впрочем, после бесконечных дорожных тягот и это было за счастье.

Устроившись на кровати, он с упоением предавался мечтам о том, как вернется домой, опишет отцу и дяде все свои злоключения и убедит их вытащить его из этого болота под названием Цзиньивэй. А потом — длительный отпуск, чтобы залечить душевные раны.

После он направит свою кипучую энергию на зарабатывание денег... то есть на технический прогресс. Разработает новые сорта мыла, откроет лавку элитных товаров... Он уже и название придумал: «Шан'ода». Сначала наймет людей, чтобы те разбрасывали листовки по всему городу, анонсируя скидки в честь открытия, а потом введет систему VIP-карт: золотых, серебряных и бронзовых.

Стоило ему закрыть глаза, как перед ним возникла толпа покупателей, которые несли ему серебро... нет, которые просто жаждали приобщиться к прекрасному.

Укрывшись одеялом, Фу Сиянь похихикал в предвкушении, а потом вдруг спросил:

— Как вам название «Шан'ода»?

Чжоу Гэнгэн, который только начал привыкать к странному смеху за перегородкой и уже почти провалился в сон, от этого вопроса вздрогнул и мгновенно проснулся:

— Шарахнуть? Кого шарахнуть?

— Тебя! — отрезал Сиянь, вновь погружаясь в грезы.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, господин Лян явился с чемоданчиком инструментов... обеспечивая гостям услугу «будильник».

Чжунсиню и Гэнгэну пришлось изрядно потрудиться — один тянул, другой толкал, — пока стокилограммовая туша Фу Сияня наконец не переместилась на край кровати.

Сиянь обнял подушку, сладко зевнул и... снова рухнул в беспамятство.

«Просто ночью я в одиночку провел целое собрание совета директоров своего будущего предприятия, — подумал он, — и страшно утомился».

Господин Лян оказался человеком суровым. Велев братьям уложить пациента как следует, он бесцеремонно задрал на нем рубаху и принялся ловко расставлять огненные банки по точкам на спине.

— Готово, — хлопнул он в ладоши.

Фу Сиянь проснулся от жара. Открыв глаза и приподняв голову, он обнаружил перед собой три лица и три пары глаз, изучавших его с таким вниманием, словно он был микробом под линзой микроскопа.

Юноша неловко почесал поясницу, пытаясь завязать разговор:

— И когда подействует?

— Никогда, — отрезал лекарь.

Фу Сиянь онемел.

«Не слишком ли вы честны с пациентом, которого лечите бесплатно?»

Господин Лян снял банки, и, разумеется, на белоснежной коже не осталось ни следа. Он на мгновение замер, но тут же продолжил как ни в чем не бывало:

— Впрочем, не беспокойтесь. Вчера Владыка усадьбы созвал консилиум, и нам удалось подобрать лекарство. Однако... — он многозначительно замолчал, обводя присутствующих взглядом.

Те в ответ смотрели на него с самым невинным видом, не спеша подавать реплики.

Лекарь кашлянул:

— Это средство стоит баснословных денег. Простому человеку оно не по карману.

— И сколько же? — не удержался Гэнгэн.

Господин Лян поднял три пальца.

— Тридцать лянов? — ахнул Гэнгэн. — Как дорого!

— Три тысячи, — помрачнел лекарь.

У Гэнгэна перехватило дыхание, и он во все глаза уставился на Фу Сияня.

«Ну точно, — подумал Сиянь. — Бесплатное всегда обходится дороже всего».

Но отступить было некуда.

— Я понимаю, — начал он, тщательно подбирая слова. — Ваша усадьба — место исключительное: и природа, и кухня, и люди здесь выше всяких похвал, настоящий пятизвездочный курорт. Но в делах должна быть ясность. Как насчет... трехсот лянов?

Лицо господина Ляна стало чернее тучи. Он извлек из-за пазухи изящный белый флакон:

— Думаешь, я тебя обманываю? Не веришь — бери в долг. Если не поможет, считай эти три тысячи моим подарком!

Видя такую уверенность, Сиянь заколебался. Вера в собственную исключительность перевесила сомнения, и он решил рискнуть.

Лекарь поднес флакон к его лицу и вытащил пробку.

На Сияня пахнуло таким жаром, словно он оказался в сауне.

Поняв, что вещь и впрямь необычная, он взял флакон и вытряхнул пилюлю на ладонь. Крохотный черный шарик оказался теплым на ощупь. Юноша покрутил его, принялся и подозрительно спросил:

— А в составе часом нет железных опилок, активированного угля и вермикулита?

Как бы сильно он ни мерз, глотать химическую грелку ему совсем не хотелось.

— Это Пилюля Девяти Ян! — возмутился Лян. — Она создана из редчайших трав, в которых заключена чистейшая энергия Ян! Как можно сравнивать ее с обычным углем? Если бы не милость Владыки Тана, даже принцам крови было бы легче до неба дотянуться, чем получить ее! — Видя, что гость всё еще медлит, он прикрикнул: — Ну, так берешь или нет?

— Мне нужно подумать, — улыбнулся Сиянь. — Я только проснулся, голова еще не варит.

— Тогда верни, — лекарь протянул руку. — Надумаешь — скажешь.

Фу Сиянь достал из-за пазухи банкноту в сто лянов.

— Лекарство останется у меня. Это залог.

Господин Лян взял деньги, еще раз строго наказал беречь пилюлю и пообещал, что в случае порчи взыщет полную стоимость, после чего нехотя удалился.

<http://bllate.org/book/15317/1354482>